

ла...»), и трагическое ощущение конца мироздания («Я объяснил бы, да не стоит...»), и выливаться в настоящую мистерию народного восприятия природы: «Пусть и наша юность канет без возврата, / Но веселых песен мне не перепеть. / Вышей ты мне, вышей белую рубаху, / Чтоб и мне на праздник было что надеть. / Вышей мне рубаху синими цветами, / Житом, васильками, ну а по краям — / Чистыми ключами, звонкими ручьями, / Что текут, впадают в море-океан... / Вышей мне рубаху стаяй журавлиной, / Утренним туманом, ледяной росой, / Красною калиной, сладкою малиной, / А еще рябиной, горькою такой...» (Странник. С. 31).

Часто А. проявляет себя как мастер поэтической миниатюры, когда в нескольких строчках ему удается выразить свой взгляд на философскую, этическую или житейскую проблему: «Наш народ воспрянет снова, / Народит сынов, / Потому что Иванову / Полюбил Петров» (Странник. С. 57).

Во второй половине 1990-х — начале 2000-х А. много и плодотворно работает над прозой. Его первый роман «**Обнаженная натура**» (Наш современник. 1998. № 1, 2) посвящен злободневным проблемам сегодняшней жизни; напряженный сюжет способствует раскрытию разнообразных психологических типов современников. Роман написан выразительным языком, позволяющим автору детали и штрихи жизни совр. мегаполиса погружать в контекст вневременных законов бытия: «Когда он вышел из метро, рынок уже затихал. Торговцы укладывали нераспроданные за день товары в полосатые сумки, дежурные бомжи сгребали в кучу оставшийся мусор... и жгли тут же, посредине площади. Черный густой дым клубами поднимался в потемневшее небо. Закат уже отполыхал... Пахло кочевьем и дикой волей, пришедшей извне, из разбойничьих степей, где дымится сухой ковыль и воют на багровую луну темные волки...» В то же время не все заявленные в романе линии и темы были доведены до логического завершения: автор завязал узлов больше, чем сумел развязать.

Проблемы морального и эстетического плана поставлены А. в повести «**Художник Верецагин**» (2002). В начале XXI в. А. работает над циклом романов, объединенных одним главным героем — армейским офицером Родионовым («**Капитан Родионов**», 2003). В этом образе А. стремится, по его словам, «показать доблесть русского солдата и вообще сказать доброе слово о России» (**Автобиография**. С. 395). А. также является автором ряда книг по истории культуры.

На стихи А. написано несколько песен. Как поэт и журналист А. принимал участие в обеспечении ряда избирательных кампаний. Лауреат премий им. А. Фета (1995) и С. Есенина (2001).

Соч.: Программа и стихи Владислава Артемова: [Автор о своем творчестве] // Простор. 1989. № 12. С. 134–135; Светлый всадник. М., 1989; Гусли барда: [О совр. русской поэзии] // Наш современник. 1993. № 1. С. 179–180; Странник. М., 1997; Душа по капле собирает свет... [Беседа с писателем В. Артемовым / записала Н. Л. Крупина] // Лит-ра в школе. 1998. № 3; Такое вот кино. М., 1999; Обнаженная натура. М., 1999; Остроумие мира. М., 2000; Героическая история России в картинах. М., 2001; Как жили люди в Средние века. М., 2001; Художник Верецагин. М., 2002; Тюрьма и зона. М., 2002; Капитан Родионов. М., 2003; [Автобиография] // Любимые дети Державы: Русская поэзия на рубеже веков. М., 2002.

Лит.: Каложный Г., Сорокин В. [Обсуждение поэмы В. Артемова «Слово о маршале Жукове»] // Лит. учеба. 1988. № 5. С. 48–50; Огрызко В. Уметь прощать... // Лит. Россия. 1995, 10 февр.; Верстаков В. Прочитано в конце тысячелетия // Лит. Россия. 1997. 10 окт.; Славецкий В. Владислав Артемов. «Простор» и другие // Реалист. 1997. № 2; Переяслов Н. Лит-ра как сотворение текста // Десна. Брянск. 2001. № 11. С. 92–94; Баранова-Гонченко Л. Поймите лишь, каких носители вы сил! // Любимые дети Державы. М., 2002. С. 5–11.

С. М. Казначеев

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Александр Григорьевич [4(16).11.1889, г. Ейск — 12.10.1938, Москва] — поэт.

В автобиографическом стих. А. сообщал: «Мать моя / Была по специальности швея / Отец был спец по части брадобрейской». Рано потеряв отца, после окончания городского училища (1904) А. устроился учеником телеграфиста, а затем конторщиком пароходного общества. Включившись в революционное движение, 13 месяцев провел в заключении (1907–08). После освобождения служил конторщиком в Ростове-на-Дону, с 1910 — счетчиком-статистиком в Петербурге, с 1914 по 1919 — на той же должности в Губстатбюро г. Чернигова. Там же в 1919 вышел первый (и единственный) лирический сб. «**Черные облака**». До того ранние поэтические опыты А. были представлены им Н. Гумилеву (1910) и вызвали отрицательный отзыв в силу их «неоригинальности» (Пародии. Эпиграммы. С. 10); в 1913 А. Блок занес в дневник запись об А.: «...парень без денег, но и без власти, без таланта, сидел в тюрьме, в жизни видел много, глаза прямые. Это все — тот

А. Г. Архангельский

„миллион“, к которому можно выходить лишь в БРОНЕ...» (Блок А. СС. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 221). Но «провинциальность» сознания А., легко усваивавшего стили столичных «мэтров» (после подражания символистам будут стихи «под Ахматову», затем «под Маяковского» — в коллективном сб. «Конь и дани»; Ейск, 1921), дала неожиданно ценный результат. Перейдя на профессиональную лит. работу (в 1920–22 А. — редактор ейской газ. «Известия», в 1922–25 — лит. сотрудник московских ж. «Работница», «Крокодил», «Лапоть»), создавая множество сатирических, информационных и развлекательных подделок вплоть до такой, как «Занимательный досуг. Фокусы. Загадки. Игры со спичками. Шарады. Ребусы. Головоломки. Задачи. Игры» (Сост. А. Архангельский, М. Озорной. М., 1927), А. набрел на свой жанр. Им оказалась пародия (первый успешный опыт — «Октябрины» на В. Маяковского, 1-е отд. изд.: Пародии. М., 1927. Б-ка «Огонек»).

Главной особенностью пародий А. явилось то, что они не осмеивали отдельные промахи разных авторов, а становились своего рода «лит. портретом» избранных героев — от выдающихся (Б. Пастернак, С. Есенин, А. Белый)

до преходящих, но чрезвычайно характерных для данной эпохи (А. Жаров, А. Безыменский и т. п.). Происходило как бы моделирование худож. систем (или указание на их отсутствие), шаржированное самораскрытие персонажей «новой эпохи» — будь то поэты (от Н. Асеева до начинающего Н. Заболоцкого), прозаики (И. Бабель, А. Фадеев, даже сатирик пародийного склада М. Зощенко), драматурги (Вс. Вишневский), критики и литературоведы (К. Чуковский, К. Зелинский)... Тщательно работая над пародиями, А. создал богатую сатирическую антологию советской лит-ры 1920–30-х. Развивая традиции русской поэзии XIX — начала XX в. (Новый поэт И. Панаева, Козьма Прутков, Обличительный поэт Д. Минаева, лирический герой Саши Черного и др.), А., тем не менее, отказался от «лит. маски». Его многочисленные псевдонимы (Архип, Надзиратель крапивной грядки, Антон Безлошадный) остались в проходных материалах десятка брошюр типа «**Бабий комиссар**» (1925), «**Деревенские частушки**» (1928) или антирелигиозной агитки «**Веселые картинки поповской паутины**» (1931). Пародии А. всегда выходили под именем их автора, который с блеском демонстрировал свое владение самыми разными стилями и индивидуальными худож. манерами, адекватно воспроизводил особенности поэтического письма пародируемого автора. В результате перед читателем возникал образ А. — подлинного артиста, мастера, которому не надо было стыдиться своего якобы «низменного» поэтического амплуа (всего лишь пародист!). Будучи связанным с ортодоксами РАПП (А. сотрудничал в ж. «На лит. посту»), в жанре пародии А. оставался неподвластным их советам и требованиям. Его «пародии-портреты», его «пародийный анализ» обнажали прежде всего ту норму творческой требовательности, которую всякий автор должен адресовать себе.

«Мы утратили в лице Александра Архангельского... писателя, одаренного редким талантом сатирика, настолько умного и литературно тактичного, что он ни разу не осмелился испытать свои силы на создание хотя бы одного оригинального произведения, того самого, которое не поддается разрушению пародией», — писал в некрологе Андрей Платонов (Размышления читателя. М., 1963. С. 146). «Художество без человеческой глубины, которую истинный писатель имеет, во-первых, в своей собственной натуре и, во-вторых, придает изображаемым характерам, такое художество есть род наивности или мошенничества. Это хорошо знал Архангельский» (Там же. С. 145).

Смерть от туберкулеза настигла А. в 1938. Наиболее содержательное, хотя и не полное, издание его пародий и эпиграмм состоялось лишь через 50 лет.

Соч.: Пародии. М., 1929; Пародии. 6-е изд., доп. М., 1939; Избранное: Пародии, эпиграммы, сатира. М., 1946; Пародии. М., 1958; Пародии. Jerusalem, 1962; Пародии. Эпиграммы / вступ. статья Евг. Ивановой; илл. Кукрыниксов. М., 1988.

Лит.: Писатели о себе: Александр Архангельский // На лит. посту. 1927. № 10. С. 78; Человеков Ф. [Платонов А.] Александр Архангельский // Лит. критик. 1938. № 11. С. 145–147; Шкловский В. Об Архангельском // Лит. обозрение. 1938. № 22. С. 68–69; Об Архангельском: М. Горький, М. Светлов, А. Раскин, В. Шкловский, А. Платонов, А. Фадеев, В. Катаев, К. Федин, В. Герасимова и др. // Лит. Россия. 1964. 6 нояб.; Новиков Вл. Книга о пародии. М., 1989. С. 432–442.

Г. В. Филиппов

АРЦЫБАШЕВ Михаил Петрович [24.10 (5.11).1878, г. Изюм (по др. данным — хутор Доброславовка Ахтырского у. Харьковской губ.) — 3.3.1927, Варшава] — прозаик, драматург, публицист.

А. родился в оскудевшей дворянской семье, рано лишился матери. В детстве после болезни оглох на одно ухо, в дальнейшем заболел туберкулезом. Бросил учиться после 5-го класса гимназии. В 16 лет пытался покончить жизнь самоубийством. В 1895–97 работал писмоводителем у земского агента.

М. П. Арцыбашев

В 1897–98 учился в Харькове в Школе рисования и живописи. В 1898 приехал в Петербург поступать в Академию художеств, но не смог поступить из-за отсутствия гимназического аттестата. Остался в Петербурге, бедствовал, получая средства к существованию за счет рисования карикатур в бульварных газ., написания обзоров худож. выставок и выигрышей на бильярде. В 20 лет женился по страстной любви, но из-за несходства характеров через 3 года развелся.

Началом своей лит. карьеры А. считал публикацию рассказа «**Паша Туманов**» (1901), сюжетом которого было убийство директора исключенным гимназистом. Рассказ был создан под воздействием идей позднего Л. Толстого. В нем заявлена одна из главных антиномий худож. мышления А.: «естественное» — истинное, кем-то установленное — ложное. Влияние Толстого присутствует в рассказах «**Кровь**» (1903), «**Подпрапорщик Гололобов**» (1902) и др. Конец раннего этапа творчества А.— повесть «**Смерть Ланде**» (1904). Типологически образ студента Ивана Ланде восходит к образу князя Мышкина. В этом персонаже А. воплотил все лучшее, что он ценил в христианстве. Гибель героя-праведника знаменовала отход А. от толстовской нравственной доктрины и осознание им исчерпанности исторической роли христианства.

Революция 1905 изменила тематику и настрой произведений А. Он художественно исследовал неизбежность вовлечения масс в мировые катаклизмы, когда человек становится и творцом, и жертвой истории (рассказы «**На белом снегу**», «**Кровавое пятно**», «**Мужик и барин**», «**В деревне**» и др.). Наиболее целостное осмысление революции дано в повести «**Человеческая волна**» (1907), в которой она представляла как одна из «волн» житейского моря, движущегося в биологически неизменном и бесконечном ритме.

Лит. слава пришла к А. после публикации романа «**Санин**» (начат в 1901; опубл. в 1907), совпавшего с общественными настроениями той поры. А. дал в главном герое (Санине) свой вариант «естественного» человека начала XX в., в противовес любым предустановленным доктринам настаивавшего на ценности природного, биологического существования каждого. «Человек,— говорил герой А.,— это гармоническое сочетание тела и духа, пока оно не нарушено. Естественно нарушает его только приближение смерти, но и мы сами разрушаем его уродливым мисосозерцанием <...> Человечество <...> вы-